

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ АЛЛАХВЕРДЯН

кандидат психологических наук,
руководитель Центра истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: sisnek@list.ru

ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА СИРОТКИНА

кандидат психологических наук
ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: isiro@ihst.ru

«Михаил Григорьевич Ярошевский — историк науки и науковед». К 100-летию со дня рождения. III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии

Круглый стол «Михаил Григорьевич Ярошевский — историк науки и науковед», посвященный 100-летию со дня рождения М. Г. Ярошевского, доктора психологических наук, профессора, почетного академика Российской академии образования, был организован в Москве, в рамках III Всероссийской конференции по науковедению и наукометрии (27–29 октября 2015 года). Конференция проводилась совместными усилиями Московского городского педагогического университета (МГПУ) и Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (пр. № 15–03–14077 г). Руководили организацией конференции Реморенко И. М., Рябов В. В., Ракитов А. И., Кондратьев В. М., Резаков А. И., Анисимова А. Э.

Оргсхема конференции включала пленарное (ведущий — Рябов В. В.), четыре секционных (1. Наука и образование в России: состояние и перспективы. Проблемы государственной научно-образовательной политики — ведущая Гребенщикова Е. Г.; 2. Научно-кадровый потенциал России — ведущий Аллахвердян А. Г.; 3. Науковедение и наукометрия — ведущий Грановский Ю. В.; 4. Стратегия образования — Резаков Р. Г.) заседания и два круглых стола (1. Научно-практическое обучение и современное образование — ведущий Савенков А. И.; 2. Михаил Григорьевич Ярошевский — историк науки и науковед — ведущие Аллахвердян А. Г., Сироткина И. Е.). В более чем 60 выступлениях участников конференции рассматривались проблемы научно-образовательной политики, модернизации высшего образования, инновационной политики, развития научных школ, научно-кадрового потенциала, воспроизводства кадров высокой квалификации, наукометрии и др.

29 октября 2015 года, в рамках III Всероссийской конференции по науковедению и наукометрии, проходившей в Московском городском педагогическом университете, состоялся круглый стол «**Михаил Григорьевич Ярошевский — историк науки и науковед. К 100-летию со дня рождения**».

Александр Георгиевич Аллахвердян, кандидат психологических наук: Прежде чем остановиться на творческой деятельности М. Г. Ярошевского, скажу вкратце о его биографии. М. Г. Ярошевский родился 22 августа 1915 года в г. Херсон (Украина). Детство и юношеские годы М. Г. Ярошевского по времени совпали с периодом послеоктябрьских социальных потрясений, наложивших свой отпечаток на формирование его личности. В 1937 году он окончил факультет русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института. По окончании института М. Г. Ярошевский поступил в аспирантуру Государственного института психологии в Москве. Однако продолжить учебу в аспирантуре ему не довелось. 9 февраля 1938 года 23-летний аспирант Михаил Ярошевский по доносу был арестован органами НКВД как якобы один из членов террористической организации. Я не буду останавливаться на деталях его пребывания в заключении, они достаточно полно освещены в печати. Отмечу лишь, что 23 мая 1939 года, не входя в особые объяснения, не выдав никаких документов о причинах заключения, М. Г. Ярошевского освободили. И только сорок два года спустя, 7 мая 1991 года, он был реабилитирован органами прокуратуры СССР.

Ушедший в прошлое «репрессированный» период в жизни М. Г. Ярошевского впоследствии не раз эхом отзывался на различных этапах его научной карьеры. Знаменательное совпадение, но именно в том же 1991 году в Ленинградском отделении издательства «Наука» под редакцией М. Г. Ярошевского вышел сборник научных трудов «Репрессированная наука», а еще через три года вышел 2-й выпуск этого цикла новаторских социально-исторических исследований. Так, драматический фрагмент из истории жизни Михаила Григорьевича обернулся впоследствии, более чем через четыре десятилетия, рождением нового направления исследований в социальной истории отечественной науки.

Научная деятельность М. Г. Ярошевского началась в 1945 году. Окончив под руководством С. Л. Рубинштейна аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию, он начал свою самостоятельную научную деятельность в институте философии АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. Одновременно преподавал в Московском государственном университете, читая лекции по истории

психологии. В период компании борьбы с «космополитами» Ярошевский М. Г. был вынужден оставить институт и уехать в Таджикистан.

В период с июня 1951 по июль 1965 года Ярошевский работал в Таджикистане, где организовал и возглавил кафедры психологии в Ленинабадском, Кулябском, Душанбинском пединститутах и лабораторию экспериментальной психологии в Таджикском госуниверситете. В 1962 году он защитил в качестве докторской диссертации свою первую монографию «Проблема детерминизма в психофизиологии».

Дальнейшая трудовая деятельность М. Г. Ярошевского преимущественно была связана с Институтом истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова (1965—1998). М. Г. Ярошевский внес существенный вклад в развитие таких областей знания, как история и теория психологии, психология научного творчества, психология науки, социальная история науки и науковедение, создал свою научную школу и принял участие в подготовке научных кадров, был научным руководителем и научным консультантом большого числа кандидатских и докторских диссертаций. Им опубликовано свыше 300 научных работ, среди которых работы, прежде всего, по истории и теории психологии. В их числе такие монографии, как «История психологии» (3 издания — 1966, 1976, 1985), «Психология в XX столетии» (2 издания — 1971, 1974), «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» (1971 год; совместно с Л. И. Анцыферовой), «Историческая психология науки» (1993), «История и теория психологии» в 2 томах (1996; совместно с А. В. Петровским). Ярошевский впервые в истории отечественной психологии проанализировал эволюцию основных идей, принципов и проблем этой науки — от периода античности до середины XX столетия. Книга «Психология в XX столетии» удостоена премии имени К. Д. Ушинского и переведена на многие языки (болгарский, венгерский, немецкий, датский, итальянский, испанский, шведский, японский и др.).

Работы М. Г. Ярошевского остаются востребованными и в наши дни. Их продолжают читать и цитировать, чем дальше — тем больше. Еще три года назад, с началом ввода работ М. Г. Ярошевского в систему РИНЦ, соотношение показателей (число введенных статей, число цитирований, индекс Хирша) составляло 25: 390: 4, а сегодня 124: 3927: 23.

Особо следует выделить разработку М. Г. Ярошевским учения о категориальном строе психологии. Этот новый подход к анализу развития психологической науки, имеющий фундаментальное значение, составляет существенный вклад в разработку самой методологии историографических исследований, в особенности трудов по истории психологической науки. М. Г. Ярошевским введены в научный оборот такие понятия, как «категориальная апперцепция», «надсознательное», «идеогенез», «оппонентный круг» и др.

В 1998 году, в возрасте 83 лет, Михаил Григорьевич был вынужден уехать из России для лечения в зарубежных клиниках. У М. Г. Ярошевского не оставалось иного выбора, поскольку его хроническая почечная болезнь зашла «слишком далеко» и, как сказал его лечащий российский врач, имела уже угрожающий для жизни характер. Это подтвердилось в ходе медицинского обследования в клинике Лос-Анджелеса, где М. Г. Ярошевский проходил курс лечения. По этому поводу он написал мне: «У меня главная новость — наконец-то посадили на диализ. Процедура довольно-таки противная, но, кроме этого, почку в принципе лечить нечем. Как пойдет лечение — видно будет, но вся эта медицинская пертурбация выбила из ставшей уже привычной колеи». Он имел в виду привычную научную колею, по-

сколько, находясь в эмиграции, продолжал научную работу, включая сотрудничество с учениками и коллегами, оставшимися в России. Украинский историк психологии В. А. Романец, порою выступая в публичных научных дискуссиях в роли оппонента М. Г. Ярошевского, назвал его «одним из выдающихся современных историков психологии». Всесторонней оценке творческого наследия М. Г. Ярошевского, на наш взгляд, еще предстоит стать предметом специального историко-психологического и историко-наукovedческого исследования.

Виктор Михайлович Кондратьев, кандидат философских наук: Психологи знают М. Г. Ярошевского как историка психологии — мы все учились по его книгам. Но ведь он много занимался историей науки, в том числе социальной историей, писал об Уолтере Кенноне, Сеченове, Выготском... Он пытался исследовать не только рациональное в науке — наука не сводится к рации, но и то, что относится к социальности, к психологии в науке.

Ирина Евгеньевна Сироткина, кандидат психологических наук: Так совпало, что завтра, 30 октября, — день памяти жертв политических репрессий. Стоя в очереди к Соловецкому камню, я всегда вспоминаю в числе других, знакомых и незнакомых, Михаила Григорьевича Ярошевского. От его друга Владимира Петровича Зинченко я слышала историю, как М.Г. в тюремной камере читал сокамерникам лекции по философии, рассказывал о Сократе. В этом — весь М.Г.: он был человек идей. В разговоре с ним создавалось впечатление, что он был лично знаком не только с Львом Семеновичем Выготским, о котором много писал, но и с самим Сократом. О нем разное говорят, но в сфере идей он был стоек, за идеи умел бороться как никто. В 1986 году он отредактировал и издал, впервые после долгого перерыва, работы Зигмунда Фрейда (до этого их можно было читать только в спецхране в Ленинской библиотеке). Он способствовал изданию работ Выготского в 1980-е годы, вернул из забвения многие имена, издал два тома «Репрессированной науки». Он не мыслил свою жизнь без русской науки, без России. Анатолий Евгеньевич Иванов, историк университетов, дружил с М. Г. Так получилось, что свое последнее письмо Ярошевский написал именно ему. М.Г. был уже сильно болен, но это письмо пророческое. В нем М.Г. пишет, что не ждет ничего хорошего от новой власти и призывает не слишком обольщаться. Он и не ждал ничего хорошего ни от какой власти и, как Вольтер, призывал при любых обстоятельствах возделывать свой сад. Помню, как в 1993 году, когда вокруг российской демократии собрались тучи, Ярошевский говорил, что главное — это заниматься своей наукой, идеями. Тучи пройдут, а идеи останутся. Одна из коллективных монографий, которую он издал, называлась «Человек науки». М.Г. и был им — человеком науки.

Галина Юрьевна Мошкова, кандидат психологических наук: Я стала аспиранткой Ярошевского сразу после окончания университета и очень его боялась. В университете я училась психологии, но что такое науковедение, не знала. А М.Г. был очень требовательным и мог быть очень ироничным. Тогда еще не было компьютеров, печатали на машинках. У меня была привычная опечатка: вместо «тесная» я печатала «темная». Он очень смеялся и, прочитав «темная связь» и говорил, что связь эта действительно темна.

Его программно-ролевой подход был очень продуманным; в нем было три фактора: интеллектуальный, социальный, личностный. Этот подход приложим, в том числе, к написанию научных биографий. М.Г. говорил, что биографии обычно пишутся только с одной из сторон, а нужны все три аспекта. Я долго спрашивала:

почему «программный»? Но есть и другое название — трехаспектный. Вкратце суть подхода заключается в том, что есть логика развития знания, есть социальная история и есть личность ученого, которая откликается на логику развития знания и на социальные запросы. Программно-ролевой подход приложим как к истории, так и к современности — например, к исследованиям научных коллективов.

Евгений Николаевич Емельянов, кандидат психологических наук: Михаил Григорьевич был учителем «по жизни» — он умел влиять на совесть. Недавно я не смог дать положительный отзыв на плохую работу — у меня в сознании промелькнуло: а что бы подумал М.Г.? Когда я пришел работать в институт, там уже выходила книжная серия «Школы в науке». В секторе Ярошевского я встретил одиннадцать замечательных молодых людей (там уже были Павел Григорьевич Белкин, Андрей Владиславович Юревич и др.) и понял, что Ярошевский пытается создать свою школу. Мы его бесконечно уважали, но не помню, чтобы смотрели ему в рот. Когда мы на семинарах что-то обсуждали, это была реальная дискуссия.

Программно-ролевой подход заключается в том, что есть сквозные программы, которые передаются через школы. Внутри научных школ существует ролевая специализация: ученый-эрудит, ученый-генератор идей, ученый-критик... Ярошевский изменил всю парадигму, повернул совсем в другую сторону. Он был прекрасным интеллектуалом, философом, но при этом и прекрасно понимал, что такое изучение современной жизни. Помню, в середине 1980-х он отправил нас на какую-то фабрику КГБ покупать диктофон — записывать ученых-современников...

У меня перед глазами рукописи М.Г., много раз переписанные и перечеркнутые — он был очень требователен к своим работам, был мастер слова, прекрасный стилист. И над рукописями своих аспирантов и сотрудников он очень тщательно работал — так, чтобы можно было их, не краснея, включить в общенаучный корпус текстов.

Михаил Аркадьевич Иванов, кандидат психологических наук: Когда я в 1978 году закончил университет, кафедру социальной психологии, заведующая кафедрой Галина Михайловна Андреева посоветовала мне пойти к М.Г., который как раз в это время решил заняться социальной психологией. В секторе, в который я попал, совсем не было психологов по образованию, а были проф. Быков, химик; проф. Фролов, историк... Я же, совсем «сопливый», знал зато терминологию психологическую, и эти люди, неуверенно себя чувствовавшие на психологической ниве, смотрели на меня с изумлением. К М.Г. они относились с большим пиететом и даже создали его культ, как царя или падишаха. Я полгода бездельничал. У нас было два присутственных дня, когда нужно было часа на 3–4 приходить в институт, а все остальное время я читал немножко в библиотеке, интересовался практической психологией, но ничего особенно не делал. Я все время ждал, что мне начальник скажет: «Столько времени прошло, а статья не подготовлена!» — ничего такого не было. Наконец мне стало скучно, и тогда я занялся исследованием.

Дальше все стало быстро меняться, приходили профессиональные психологии — по одному человеку в год, и семинары стали очень интересными. Ребята были молодые, но общение шло по имени-отчеству и на Вы. Другое дело — наши неформальные праздники. М.Г. очень любил жизнь, но ему по здоровью нельзя было ничего есть и особенно пить. Так он жил сорок лет, а когда ему исполнилось семьдесят, они пошли и с Василием Васильевичем Давыдовым и Владимиром Петровичем Зинченко и выпили. Но он очень любил застолья. М.Г. наливали шампанское, которое он не пил. Зато он был прекрасным тамадой и прекрасным рассказчиком —

много рассказывал за столом. Здесь М. Г. раскрывался, может быть, с лучшей своей стороны. Для него все ученые прошлого были живыми людьми. Он рассказывал об их семейной жизни, о женах и любовницах и о том, как это все повлияло на их науку. Все научное творчество он рассматривал как большой диалог ученых, неважно, живых или неживых. Он ввел понятие «оппонентный круг» — то есть с кем из ученых ты ведешь диалог, чье мнение для тебя особенно важно. И если у меня оппонентный круг был три-четыре фамилии американских современных исследователей, чьи работы я прочел, то его оппоненты — это Фрейд, Выготский, Алексей Николаевич Леонтьев, с которыми они и дружили, и ругались. Это я про масштабы, про подход. Итак, с приходом психологов атмосфера в секторе поменялась кардинально. Похоже, М.Г. не только не цеплялся за позицию «падишаха», он получал удовольствие, общаясь с молодыми серьезно. Он реально обсуждал какие-то проблемы: тему гипноза со мной обсуждал, магии... Мы тогда молодыми были, я увлекся магией; похоже было, что М.Г. прочел Каббалу задолго до меня.

В то время существовал антагонизм между практической психологией и академической, теоретической психологией, но он их не противопоставлял. М.Г. делал новую социальную психологию, не психологию мнений, а объективную (он был учеником Сергея Леонидовича Рубинштейна). Для этого он взял понятие Имре Лакатоса об исследовательских программах, но вводил свои понятия. В книге «Психология в XX столетии» он писал о категориях психологического знания. Он все время пытался в этой жуткой субъективности творчества найти какие-то опорные, реперные точки. Именно этому я, как социальный психолог, так долго сопротивлялся: мне казалось, что надо взять два научных коллектива — один хуже, другой лучше — и сравнить, чем они отличаются по социально-психологическим показателям. Нужно было, чтобы прошло много лет и я занялся практикой: сейчас для меня психология невозможна без этих реперных точек, без какой-то логики. Если это бизнес — то логики развития бизнеса, если технологии — то без каких-то технологически содержательных вещей. Приведу такой пример. Ко мне как-то пришел клиент, владелец большой фирмы, и рассказал о реальном случае исследования удовлетворенности. Есть два торговых дома: в одном все всем удовлетворены, в другом — все всем неудовлетворены. Кого выгонять? (а кого-то выгонять надо точно). Здесь требовалось действовать не на основании показателей удовлетворенности, а разбираться содержательно. В одном торговом доме руководитель — мужчина с большим задом, выглядящий на 50 лет, хотя ему 38; в другом — поджарый выпускник мехмата, как мальчик бегающий. В одном все похоже на руководителя: сидят на телефоне и все передают по телефону, обзванивают; в другом все, как руководитель — активные и бегающие.

Юрий Васильевич Грановский, кандидат химических наук: Я не был лично знаком с М. Г. Ярошевским, но часто посещал ваш институт, слушал несколько его докладов и собирал литературу, которую он издавал. Один из его научных трудов — сборник «Научное открытие и его восприятие» — представлял для меня особый интерес, но я следил за всеми его публикациями. Готовясь к круглому столу, я решил узнать, как сейчас цитируются его работы. В Российском указателе научных ссылок я нашел 117 его работ с числом ссылок 3600. Колоссальный исходный материал! Его интересно проанализировать, чтобы посмотреть, как развивалось его творчество в различные моменты времени. Тем более что материал-то доступный, можно его дома получать. Как мне показалось, наиболее цитируема его монография

по теоретической психологии, с А. В. Петровским, а также работа четырех авторов (А. Г. Аллахвердян, Г. Ю. Мошкова, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский) по психологии науки, и т. д. Можно было бы построить графы соавторов Ярошевского в разные периоды времени, определять так называемую первую координационную сферу — те люди, которые непосредственно с ним писали, были соавторами его публикаций, и другие координационные сферы — когда люди взаимодействовали уже с его учениками. У меня такое впечатление, что после работ Ярошевского по психологии сотрудники ИИЕТ стали шире смотреть на науку, больше заниматься общими проблемами науковедения.

Сергей Борисович Шапошник: У меня было мало контактов с М.Г., но как-то я решил посетить заседание сектора психологии научного творчества, в рамках ежегодной институтской конференции. Я тогда почувствовал, что М.Г. как-то напрягся — у нас было принято ходить только на собственные семинары, отдельные, а на чужие редко заглядывали. Но я сидел, слушал доклады и комментировал, и М.Г. оттаял и в конце пригласил меня приходить к ним и сотрудничать. Но я хотел пару наблюдений привести: М.Г. действительно принадлежал к тем людям, которые определяли лицо института и его научную солидность. К ним можно отнести и Б. М. Кедрова, А. П. Юшкевича, А. А. Малиновского, В. Ж. Келле, М. К. Мамардашвили — все это люди очень крупные, большого масштаба, колоритные. Институт тогда называли «заповедником» или «отстойником», в хорошем смысле слова. Сектор Ярошевского в нем был одним из самых интересных, и я с удовольствием со всеми почти там общался, и жаль, что с некоторыми контакты растерялись. И еще: я кончал аспирантуру в секторе философии науки, и меня не раз удивляло, что М.Г., хотя он был психолог, прекрасно владел всеми современными теориями философии науки. Для некоторых психология науки — спорная дисциплина, как красная тряпка для быка, но Ярошевский всерьез предпринял попытку создавать именно *психологию* науки.

Кирилл Олегович Россиянов, кандидат биологических наук: Я хотел бы вспомнить проект «Репрессированная наука», инициатором и организатором которого выступил М. Г. Ярошевский. Я участвовал в нем, записывал интервью с генетиками, пострадавшими от Лысенко. Помню, что тогда некоторые коллеги, историки науки, выказывали скепсис по отношению к идее «репрессированной науки». Дескать, разделение «ученые и власть» во многом искусственное, в этом есть схематизм, это — черно-белая картина истории, и на самом деле научное сообщество неоднородно, в нем есть ученые, сотрудничающие с властью, чтобы добиться каких-то своих целей в науке, и т. д. Однако дело не в этом, а в том, что эти материалы надо было собирать именно тогда, когда еще живы были люди. И было сделано много интервью, записано на магнитофон. И даже если мы отойдем от самого термина «репрессированная наука» и решим, что списки и воспоминания о замученных и расстрелянных не подвигают нас к созданию какой-то большой теории в понимании сталинизма, все-таки эти воспоминания необходимы, это — благородное дело.

Валентин Владимирович Фурсов, кандидат философских наук: На конференции по науковедению мы говорили о том, что старая когорта ученых уже ушла или уходит и важно сохранять их опыт. Многие из них были и крупными учеными, и хорошими менеджерами, продвигающими свою науку. Таким, по-видимому, был и М. Г. Ярошевский — как я понял, он сначала занимался психологическими вопросами, потом, заметив, что для анализа науки их недостаточно, включился в рас-

смотрение социальной сферы, а потом перешел к программно-ролевому подходу, потому что понял, что идеи запрограммированы где-то, когда-то, как-то, и дальше они развиваются и двигаются через своих носителей. Идеи живут в диалоге, споре, взаимодействии прошлого, настоящего и будущего. Надо прошлое зафиксировать, переосмыслить и сделать выводы о том, что нам надо сделать в дальнейшем, чтобы прорваться вперед.

В общей дискуссии участники круглого стола подчеркнули, что М. Г. Ярошевский был подлинно междисциплинарным исследователем и что Институт истории естествознания и техники был для него идеальным местом, позволявшим работать в разных сферах и результаты этой работы соединять. Семён Романович Микулинский (1919–1991), тогдашний директор ИИЕТ РАН, был не только историком науки, но и одним из основателей отечественного науковедения. Эта область была создана, в том числе, как прикладная — для того чтобы изучать современную науку. И Микулинский, и Ярошевский, и другие их коллеги очень хорошо чувствовали современность, актуальность науки для своего времени и понимали, что наука не сводится только к рациональному, есть другие важные факторы ее развития.

Сектор Ярошевского был единственным, где занимались психологией науки в рамках науковедения (после его ухода психология науки, к сожалению, из института почти исчезла: без лидера школа не живет). Секрет успеха «сектора психологии науки» или «сектора проблем научного творчества» (названия менялись) заключался в том, что М. Г. Ярошевский, как никто, умел переходить от истории к современности — он и лично был примером такой связи. Своим сотрудникам он постоянно задавал разные контексты для исследования, превращал историю в эмпирию, подсказывал своим ученикам термины то из философии, то из истории, то из психологии. Он действительно любил науку и хорошо ее знал, и его науковедение — это попытка фундаментально подойти к науке. Но его деятельность не сводится к науковедению: у него были две главных исследовательских программы — историко-психологическая и науковедческая, а в их рамках — свои частные направления. И в каждой содержатся пути дальнейшего развития, — если, конечно, кто-то захочет этим заняться.